

бумагѣ съ орломъ, — Шастневъ бережно взялъ ее со стола, и на обѣихъ ладоняхъ приподнесъ женѣ, — состоитъ намъ купчая.

— Ку-упчая?..

— Она сама. И должны мы таперича возблагодарить Господа, какъ слѣдуетъ по порядку.

Съ минуту оба молчали, пристально глядя другъ другу въ глаза.

— Иванычъ! а, Иванычъ! — еще робче начала опять Катерина: — что-жъ теперь будетъ?

— Съ чево?

— Да съ этой самой... съ купчей-то?

Катюха опять съ явнымъ опасеніемъ указала пальцемъ на бумагу.

Мужъ посмотрѣлъ на свою оторопѣвшую супругу — и вдругъ разразился какимъ-то дикимъ, но восторженнымъ хохотомъ.

— Катюха! — крикнулъ онъ, съ размаха хлопнувъ ее по плечу рукою. — Да неужъ ты не смыслишь? Вѣдь Мокрецы-то теперь наши!

— На-а-ши?

— Ну, да, наши! Совсѣмъ какъ есть наши! Вотъ къ примѣру, ты о коровѣ плакала, или-бо объ овцахъ; а мы теперь если... хоть половину, скажемъ, земли будемъ отдавать въ аренду — въ родѣ какъ старшина Миколай Фатѣичъ...

— Мы? въ аренду! — повторила ошеломленная Катюха, да такъ и осталась съ открытымъ ртомъ.

— Чего ты дивишься? А старшина какую землю сдавалъ? Стало быть, таперича, нашу же.

— Царица небесная!..

— Такъ вотъ мы, значить, на одни задатки... коли, говорю, въ аренду... на одни задатки, пожалуй — сразу три коровы купимъ! Поняла ты?

— Три?!

— И купимъ, даже сейчасъ. Потому скотомъ обзавестись таперича первое дѣло.

Катюха нѣсколько мгновеній простояла молча, совершенно подавленная. Но вдругъ лицо ея засіяло, станъ выпрямился и, точно угорѣлая, она опрометью бросилась къ двери, изъ хаты вонъ.

— Постой! Куда ты? — воскликнулъ удивленный мужъ въ догонку.

— На село.

Да, подобныхъ извѣстій она не въ силахъ была удержать